

Закончив, Жань Цю взглянул на Су Яня. Тот стоял с нахмуренным лбом, словно на его плечи уже взвалена тяжесть всей страны. Жань Цю невольно улыбнулся и щёлкнул юношу по лбу.

— Когда начнёшь служить в армии, тебя, наверное, станут звать «маленьким маркизом».

Су Янь нахмурился:

— Я не достоин.

Он произнёс всего четыре слова, но Жань Цю ещё больше убедился: у этого юноши глубокий, непростой ум. То чувство подавленности, которое он испытал при первой встрече, снова нахлынуло. Оно было странным — не властным и не зловещим, но всё же неприятным. Позже Жань Цю понял: это была чрезмерная для его возраста серьёзность Су Яня, которая делала его загадочным, почти непостижимым.

Люди всегда боятся того, что не могут понять — будь то человек или предмет.

После того дня Су Янь, казалось, наконец осознал своё предназначение или, по крайней мере, смирился с ним. Год и три месяца ушло у него на то, чтобы признать свою неспособность к боевым искусствам. После долгого разговора с Су Чжи он вышел из кабинета и впервые по-настоящему обрадовано улыбнулся Жань Цю, ждавшему его в галерее.

Су Янь был красив. Говорил он тихо и неторопливо, но из-за обычной не улыбочивой серьёзности казался слишком взрослым. А когда на его лице изредка появлялась юношеская живость, черты смягчались: брови — словно весенние горы, глаза — как осенние воды, тонкие губы приподнимались в мягкой улыбке. Он ещё не вполне сложился, но уже угадывался будущий красавец.

Он легко притворил дверь кабинета и показал Жань Цю свиток в руке.

Книга, судя по всему, была старой, страницы пожелтели, некоторые края истрепались от частого чтения. Но по выражению Су Яня было ясно: он ценит её как сокровище. Присмотревшись, Жань Цю увидел название — древний трактат о военном искусстве «Лю тао» («Шесть стратегий»).

Жань Цю ободрил его:

— Маленький господин, ты получил желаемое. В будущем непременно добьёшься многого.

Су Янь уловил в его словах скрытый смысл и с удивлением спросил:

— Вы уезжаете?

Жань Цю ответил:

— Я тайно вернулся в столицу для отчёта, но задержался слишком надолго. Пора в Чанъань. Теперь, когда не смогу приглядывать за тобой каждый день, чувствую, будто ученик завершил обучение.

Радость Су Яня мгновенно угасла:

— Когда вернётесь?

— Через три года, — сказал Жань Цю, погладив его по голове. — Я человек вне дворцовых

кругов, и мне не стоит слишком тесно общаться с такими знатными особами, как ты, чтобы не навредить службе. Когда через три года вернусь, найду тебя — и ты должен будешь показать мне, чего достиг!

Возможно, разочарований было уже слишком много, и Су Янь привык к таким прощаниям. Он серьёзно посмотрел на Жань Цю и, словно давая клятву, твёрдо произнёс:

— Когда через три года вернётесь, мы снова сразимся.

Он считал это очередной разлукой, поэтому не стал говорить пустых слов вроде «до скорой встречи». О «делах» Жань Цю Су Янь слышал от отца отрывочно и понимал: этот человек живёт, ежедневно рискуя головой. Поэтому их уговор, возможно, был лишь сказанным на ветер, но всё же лучше, чем ничего.

Видя, как Су Янь страдает, Жань Цю мягко сказал:

— Пойдём, у меня для тебя подарок.

Он привёл Су Яня в свою временную комнату и вытащил из-за двери длинный ящик. Жань Цю предложил открыть. Су Янь, хоть и недоумевал, послушно поднял крышку.

Мгновенно сверкнула белая вспышка. Су Янь невольно зажмурился.

Раскрыв глаза, он не сдержал возгласа:

— Это... меч?

В ящике лежал меч без ножен. Внешне простой, сдержанный и благородный, он в то же время излучал непоколебимую гордость. Су Янь взял его — тяжёлый клинок пришлось держать обеими руками.

Он сверкал, как само солнце, и был невероятно острым.

На клинке чуть виднелся волнистый узор. Су Янь всмотрелся и различил два выгравированных иероглифа: «Би хай» («Лазурное море»).

Жань Цю пояснил:

— Когда я только обосновался в Чанъане, выковал два меча. Помимо убийства, это моё главное умение. Один, «Линсяо», я подарил старому другу. Второй хранил до сих пор. Увидев тебя, понял: он тебе подходит. Меч — герою. Отныне он твой.

— «Лазурное море»... — пробормотал Су Янь, разглядывая клинок со всех сторон. Спустя долгое время, словно очнувшись, он сказал Жань Цю:

— Я не герой, но он мне очень нравится. Когда отправлюсь на войну, буду носить его с собой всегда.

Он хотел сказать ещё что-то, но чувство беспомощности снова нахлынуло. Подумав, Су Янь лишь поднял глаза на Жань Цю и произнёс:

— Господин, вы служите стране и народу, делая то, о чём никто не знает. Но я понимаю, как это тяжело. В долгой дороге будьте предельно осторожны.

Жань Цю смотрел на него с безмолвной грустью, так и не сумев передать свои опасения.

В конце он похлопал Су Яня по голове:

— Ребёнок должен быть ребёнком. Ты... лови эти годы, наслаждайся, пока есть возможность. А то потом, когда заботы тебя поглотят, и передохнуть будет некогда.

Если ты ещё юн, к чему принимать на себя взрослую серьёзность? Даже если в семье были потрясения и тебе пришлось многое пережить, разве в твои годы нужно думать лишь об усердном штудировании военных трактатов или о том, как поскорее стать великим? Пусть это и похвальное рвение, но то, что оно стало подлинным желанием Су Яня, заставляло сердце сжиматься.

Лучшие годы нужно тратить на юношеские беспечные забавы, иначе потом будешь горько сожалеть.

Эти истины, даже если он их выскажет, Су Янь не поймёт. Жань Цю решил ограничиться намёком и не развивать тему.

Он уехал в летний вечер. Су Янь проводил его за город Цзиньлин и стоял, пока всадник не скрылся за горизонтом, и лишь тогда повернул обратно.

Су Янь помнил о трёхлетнем уговоре с Жань Цю. Он размышлял, как быстрее прогрессировать, чтобы поразить того по возвращении, и одновременно тревожился, что не сможет быстро освоить «Шесть стратегий», подаренные отцом. Беспокоился и о Хань Гуане: давно не был в Императорской академии, не волнуется ли тот? Вспомнил и Сяо Цичэня, томившегося в глубинах дворца. Как он там?

Идя по ровным улицам, Су Янь слышал, как в подвешенном у пояса мешочке постукивают друг о друга два камешка. Этот лёгкий звук постоянно напоминал ему: есть тот, кто о нём помнит.

Он прошёл по спокойным улицам и снова взглянул в сторону Тайчэна. Тот по-прежнему возвышался величественно и неприступно.

Су Янь ещё не знал, что это была их последняя встреча с Жань Цю.

Осенний ветер был свеж, а у подножия горы Мэйхуашань за стенами Цзиньлина царило оживление. Но в кругах знати этот ничем не примечательный холм носил более изысканное имя — Терраса Девятого Дня.

При предыдущем императоре, дабы подчеркнуть волю к возвращению утраченных земель, здесь ежегодно после осеннего урожая устраивали пир для сановников, возродив древний обычай военных учений и состязаний в стрельбе. Из года в год эта негласная традиция сохранялась.

Среди участников были не только чиновники выше третьего ранга, но и отличившиеся на поле боя военные. Императорский трон устанавливали на открытом месте, по обеим сторонам рассаживали сановников. В самом низу размещались младшие офицеры, ведущие записи заслуг.

Участники военных учений и состязаний в основном были из армии. Награды присуждали по результатам ритуальной стрельбы, стрельбы с коня и из арбалета. Цель — поддерживать боевой дух воинов в мирное время и поощрять их к новым подвигам.

Знатные кланы обладали огромным влиянием, и выходцы из бедных семей редко поднимались выше пятого ранга. В отличие от них, военные могли продвигаться легче. Полевые заслуги, ежегодные состязания — всё это открывало возможности. А стрельба на глазах у Сына Неба и вовсе воодушевляла необычайно.

Молодые воины в алых одеждах демонстрировали удаль. Всего лишь лук да колчан со стрелами — и трибуны взрывались рукоплесканиями. Зрители, как и в прошлые годы, ликовали. Даже тюркский принц, впервые получивший приглашение, заинтересовался и лично вышел на поле в ритуальной стрельбе. Степняк попал все десять стрел в яблочко, и вокруг грянули восторженные крики.

В этот миг казалось, сословные барьеры рухнули. Неудивительно, что стрельба так популярна в армии.

Сяо Янь восседал в центре. Ему наскучили состязания в ритуальной стрельбе, и он скучающе взглянул направо — на великого полководца Су Чжи, которого с трудом выгнали из дома. Тот устался в вино в своей чаше, погружённый в невесёлые думы.

Это было несколько неуважительно. Сяо Янь кашлянул:

— Маркиз.

Император снизошёл до обращения, и Су Чжи поспешил извиниться, но Сяо Янь, не дав ему заговорить, добавил:

— Помнится, твой сын уже больше года как в армии. Но в ритуальной стрельбе его не видно. Неужели и в этом году он отсутствует?

<http://bllate.org/book/15940/1424929>